

Мавр возвращается? А он и не приходил...

(окончание. Вопросы экономики, 2004, № 10)

Наука, политика и "светская религия"

Так уж получилось, что и инициаторы дискуссии, и их оппоненты, в какой-то мере и автор данной статьи, оказались людьми не только науки, но и практической политики. На собственном опыте мы знаем, что ученый, если он действительно ученый, не может, не имеет права свои собственные научные взгляды, интересы класть в основу каких-либо политических решений. Причин этому, по крайней мере, три.

Во-первых, та "делянка", которую он кропотливо обрабатывает на почти безбрежном поле науки, как и сама наука, ее передний край, – это еще не та "жизнь в целом", которую непременно затрагивает любое серьезное политическое решение. Нужно "классовое чутье" или какое-то иное политическое **чувство**, которое позволяет "нутром чувствовать" те процессы, всегда противоречивые, которые будут "перемалывать" любое решение "верхов" под интересы "низов".

Во-вторых, наука пользуется своим языком, который практически никогда не бывает простым, понятным "человеку с улицы". Люди науки могут позволить себе спорить почти до бесконечности о трактовке того или иного термина, о степени доказанности того или иного утверждения. В политике формулировки должны быть короткими, простыми, "дуракоустойчивыми". Этого добиться бывает очень трудно, особенно в нашей стране. Отсюда и известный крик души одного из политиков: "Хотели как лучше, а получилось как всегда".

В-третьих, и это гораздо важнее сказанного выше, наука озадачена вопросом "почему?", изучением *причинно-следственных связей* событий, свойств вещей, объективных процессов и т.д. Политика озабочена достижением тех или иных *целей*, реальных или мнимых, для нее главный вопрос – "как?". Рядом с ним, точнее, перед ним, стоит вопрос – "зачем?", а вовсе не "почему?". Разумеется, когда ситуация берется в целом ("цель – средство – результат"), три вопроса: зачем? – как? – почему? оказываются взаимосвязанными "нераздельно и неслиянно".

Можно также сказать, что человек обычно любит цели, к которым стремится, верит в то, что он выбрал подходящие средства, и надеется на то, что полученный с их помощью результат будет соответствовать цели. Эти три **чувства**, как нетрудно заметить, существуют вне науки, непосредственно в жизни людей. В то же время, именно наука помогает выбрать средства достижения целей, поскольку результат – всегда следствие причин. Связка "если – то" может и должна применяться в процессе целеполагания максимально объективно, научно.

Предсказание традиционно считается одной из двух основных функций науки наряду с объяснением. Какой-то вклад наука может внести и в понимание общей ситуации. Поэтому, как мне представляется, вера и знания, религия и наука как их развитые, культурные формы, представляют собой в норме не взаимозаменяющие или взаимоисключающие, а взаимодополняющие стороны жизни реальных людей. Но это "в норме", в идеале. На самом деле сплошь и рядом либо "вера" пытается заменить собой "науку", либо наоборот. И в том, и в другом случае мы имеем дело с невежеством, если угодно, мракобесием. Здесь, думаю, уместно еще раз вспомнить "Философские тетради": "...в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, *всего больше* материализма"¹.

Сравнивая природу, или статус, вопросов "почему?", "как?" и "зачем?", можно, как мне представляется, сказать, что первый из них – "почему?" – имеет теоретическое происхождение, научный характер. Второй – "как?" – прикладное, практическое, инженерно-хозяйственное. Третий – "зачем?" – религиозное, как это ни покажется странным многим из современных читателей. Доставшееся нам в наследство от прошлого века невежество в вопросах религии очень часто ведет к смешиванию религии и религиозной организации, хотя в нашей Конституции они четко разведены². Поэтому сплошь и рядом там, где на самом деле речь может идти только о вере, мы говорим о знании. Тем самым наука, действительно, начинает выполнять функцию религии, совершенно ей не свойственную. Это касается далеко не только "марксизма", как это, видимо, представляется инициаторам дискуссии. Такова судьба любой теории, любого "учения". Здесь, наверное, уместно упомянуть, что "алхимик" Дж. Сорос сейчас наибольшую угрозу "открытому обществу" видит в "рыночном фундаментализме"³. Секуляризация, которая наиболее полно и последовательно происходила в странах Западной Европы, представляла собой процесс освобождения светской жизни от вмешательства религиозных организаций, что было возможно и часто полезно, но не от религии, что невозможно.

Вот что об этом пишет известный французский православный историк и богослов: "Быть может, секуляризация поможет христианству отделаться от оболочки "религиозного" в современном смысле слова, когда религиозное превращается в область культуры, стоящую в одном ряду с прессой, политикой, наукой, артистической, спортивной и светской жизнью и т.п. Поможет открыть, отправляясь от ограниченного опыта красоты, любви и смерти, что

¹ Ленин В.И., Полн. собр. соч., т. 29, с. 215.

² Конституция Российской Федерации, Статья 14. 1. Российская Федерация – светское государство. Никакая **религия** не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. **Религиозные объединения** отделены от государства и равны перед законом.

³ "Я считаю, что сегодня рыночный фундаментализм представляет большую угрозу открытому обществу, чем коммунизм" Дж Сорос Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., Некомм. Фонд "Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий", 2001, с. 172.

все религиозно"⁴. Вера в жизни любого человека может быть "заменена", вытеснена только верой. Вопрос в том, какой именно, "почему?" или даже "зачем?", кому это надо, выгодно.

Возможно, нам, россиянам, покажутся несколько неожиданными размышления еще одного православного мыслителя, врача по профессии, всю свою долгую жизнь прожившего в Западной Европе: "Считает ли человек, что он молится или что он не молится, думает ли он, что он может молиться или что условия современности отняли у него эту способность, – человек молится, разве что нам думается, что молитва присутствует лишь тогда, когда мы вежливой, складной речью выражаем свое отношение к Богу и к мировым вопросам, разве что мы забываем, что молитва вырывается из сердца и что *всякий крик нашего существа есть молитва*. Разумеется, мы не осознаем, что молимся все время и настойчиво, на самом же деле мы в каждый миг обращены всей устремленностью нашего существа, порывом (порой сломленным, когда наше сознание и наше сердце разделены) к каким-то *целям*. К каким-то *желаниям*. И я думаю, очень важно осознать, что предмет нашей молитвы и тот, к кому обращена эта молитва, – не всегда Бог (курсив мой, – Л.Г.)"⁵.

Образованность этого выдающегося пастыря признает даже такой активный противник православия, как В.Л. Гинзбург, недавний нобелевский лауреат по физике⁶. Сам В.Л. Гинзбург свою веру в то, что Бога нет, предпочитает называть не верой, а "интуитивным суждением": "Атеист отрицает всякое существование Бога, чего-то за пределами природы. Разумеется, подобное убеждение есть "интуитивное суждение", которое нельзя доказать. Интуитивным суждением является и вера в Бога"⁷. Ссылается он при этом тоже на физика и своего соавтора, Е.Л. Фейнберга. Интересно, свой собственный внутренний мир Виталий Лазаревич познает при помощи тех же средств, которые принесли ему Нобелевскую премию? И он может опубликовать результаты такого исследования для проверки и повторения?

Об опасности легковой игры в слова, особенно наукообразные, хорошо сказал один известный хирург, лауреат Сталинской премии Первой степени (1946 г.): "Мы часто не в силах сбросить иго чужого мнения и власть особого внушения, которое я бы назвал гипнозом научной терминологии. Пусть нам предъявляют непонятные и невероятные вещи, но если говорят с ученым пафосом, да еще облачают его в форму латинских или греческих терминов, мы уже слепо верим, боясь быть изобличенными в невежестве"⁸.

⁴ О. Клеман. Христианство и секуляризация // Русская мысль (Париж), 2000, 3-9 августа (№4329), с. 20.

⁵ Митрополит Антоний Сурожский. "Может ли еще молиться современный человек" // Труды, М. Практика, 2002, с. 847.

⁶ См. напр. В.Л. Гинзбург, "Замечания в связи с энцикликой папы Иоанна Павла II «Вера и разум» // Здравый смысл. 1999. №13, п.7.

⁷ Там же, п. 5.

⁸ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), "Наука и религия", Ростов на дону, изд. "Троицкое слово", 2001, с. 47.

Вопрос "зачем?" – это всегда вопрос о **целях**, который упирается, в конце концов, в вопрос о ценностях, которыми руководствуется человек, принимающий решения. Эти ценности он, так или иначе, разделяет с предками, современниками и потомками. Конечно, не со всеми, а с теми, кого он считает "своими", к кому испытывает чувство причастности, взаимной связи, "реляции".

Насколько известно науке, причем не только и не столько "из истории", сколько "из современности", из изучения и сегодня живущих общностей этого типа, первые общности, к которым отдельные люди чувствовали свою причастность, были кровно-родственные общины, роды. А первой формой их осознания – тотемы. Напомню, что тотем – это, как правило, животное (например, "волк"), с которым ассоциировался каждый конкретный род. Основные заповеди, такие, как "не убей", "не укради", "не прелюбодействуй", распространялись на всех членов тотема, но только на них. В определенные моменты времени "животное-тотем", считающееся сакральным, неприкосновенным существом, тем не менее, поедалось всеми членами рода исключительно для поддержания чувства единства с ним (и между собой), чувства сопричастности. Это никакая не мистика, а единственный доступный в то время способ конкретно, предметно выразить, отразить факт существования рода как отдельного, особенного предмета, не похожего ни на один другой, с которым имели люди в процессе производства своей жизни, которые называли на своем обычном, повседневном языке. Так и начиналось "идеальное" в смысле "мысленное (Ideele)" существование наиндивидуальных предметов в рамках человеческого рода, как он видится современной науке. Э.В. Ильенков, как мне представляется, не стал бы возражать против такого употребления термина "идеальное": "Под "идеальностью" или "идеальным" материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное – и строго фиксируемое – соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли другого объекта, а точнее – всеобщей природы этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех изменениях, во всех его эмпирически очевидных вариациях"⁹.

Одна такая община – один тотем. В этом – объективная и массовая основа монотеизма в рамках любой "органической общности (Gemeinschaft)". Но рядом – другая община и, следовательно, другой тотем. Генетическая не самодостаточность любой кровной общины делала неизбежным обмен людьми между ними, следовательно, смену тотема каждым, кто переходит из одной общины в другую. Множество генетически взаимосвязанных, но экономически автономных, органических общностей представляла собой общность противоположного, атомистического типа (Gesellschaft). С такого "двухуровневого" состояния, смеси отчужде-

⁹ Э.В. Ильенков, "Проблема идеального", Вопросы философии, 1979, №7, с. 131.

ния на верхнем уровне и его отсутствия на нижнем, поли- и монотеизма, началась "история", или "предыстория", в ходе которой спонтанность на уровне индивидов становится (точнее, имеет шанс становиться) средством, способом выживания человеческого рода в целом.

Дело это оказалось совсем не простым. В рамках органической общности спонтанность отдельного человека – вещь не всегда приветствуемая. Особенно если ее проявления могут иметь отрицательные последствия для существования самой общности. "Пчела в улье" – традиционный образ члена такой органической общности, применявшийся и Марксом¹⁰, и другими мыслителями. Получается, что чувство причастности, отсутствия отчуждения, и спонтанность действий не совмещаются в рамках этого типа общности. Причастность есть, а спонтанности нет. Точнее, она может быть, но в основном за пределами деятельности, обеспечивающей выживание общности. Например, в игре.

В рамках атомистической общности спонтанности на уровне ее элементов (в начале – органических общностей, а затем и отдельных индивидов) может быть очень много. Но чувство их причастности к такой общности, как правило, отсутствует. Ему просто не на чем основываться.

Разумеется, жизнь не стояла на месте и теперь вряд ли можно найти сколько-нибудь развитое общество, где бы принципы общностей разных исходных типов не применялись бы на одних и тех же уровнях. Используются и разные формы символического выражения причастности индивидов к общностям разного размера, вплоть до отдельно взятого государства. Этой светской религиозностью буквально пропитана жизнь любого общества, даже самого атеистического. Например, служба в армии всех граждан мужского пола в Конституции СССР называлась "священным долгом". Утрата воинской частью своего знамени вела к ее расформированию. А что такое "поднятие государственного флага" на лужайке перед своим домом едва ли не каждой американской семьей, живущей вне города? Разве не проявление "светской религии"?

Поэтому вопрос не в том, существует ли религиозность вне организаций, открыто заявляющих о себе как о религиозных, или нет. Существует, хотим мы этого, или нет. Вопрос в том, способствует ли та или иная форма конкретная форма религиозности освобождению человека, человеческого рода от животных форм существования, жизни или препятствует ему. Способствует ли она освобождению каждого своего адепта от рабства, рабства самому себе в первую очередь (в частности, своему желудку), или нет. Известная, вероятно, большинству российских граждан "Легенда о Великом инквизиторе" Ф.М. Достоевского (в романе "Братья Карамазовы") имеет своим стержнем именно эту проблему.

¹⁰ "Та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры... покоится... на том, что отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью" Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 346.

Для того, кто верит, что человек создан по образу и подобию Творца, свойство спонтанности его поведения является неотъемлемым, атрибутивным, хотя и труднореализуемым. В самом деле, что общего может быть у человека и Творца? Только одно – способность действовать не по внешнему принуждению, по необходимости (неважно, осознанной или нет), а по собственной воле, свободно. Только действуя таким *образом*, человек становится личностью, *подобием* Творца – господином обстоятельств своей жизни, а не их рабом. Он даже может свободно отдать свою (но только свою!) жизнь "за других".

Свойство спонтанности выделяли и некоторые античные мыслители вне только что рассмотренной религиозной традиции. Например, Эпикур, в отличие от Демокрита, приписывал атому свойство самопроизвольного, спонтанного изменения направления движения. По его мнению, без этого ни о какой самостоятельности существования атома говорить не приходится. В начале своего интеллектуального пути, при написании в 1840-41 гг. диссертации по философии, Маркс встал на сторону Эпикура¹¹ и старался в течение всей последующей жизни от этой позиции не отходить: "... многие древние порицают Эпикура за то, что, по его учению, отклонение атома происходит без причины, а ничего более постыдного, говорит Цицерон, не может случиться с физиком. Но, во-первых, физическая причина, какой требует Цицерон, вновь отбросила бы отклонение атома в сферу детерминизма, между тем как оно, наоборот, должно этот детерминизм преодолеть. Затем, *атом отнюдь не завершен*, пока в нем не проявилось определение отклонения. ...Демокрит, в противоположность Эпикуру, превращает в вынужденное движение, в дело слепой необходимости то, что для Эпикура есть *осуществление понятия атома*". Отдавал должное спонтанности и Ленин¹², причем не только в рамках чисто теоретических раздумий.

Вряд ли можно найти какие-то принципиальные отличия от сказанного выше в понимании свободы личности и у наших либеральных демократов. Проблема (научная, политическая и, возможно, религиозная), как мне представляется в другом. А именно: далеко ли человеческий род продвинулся от исходного пункта своей истории к конечному (в указанном выше смысле) за прошедшие века, продолжается ли его движение в этом направлении, и что наша страна может в связи с этим предложить миру и самой себе.

Рынок дополнил обмен генетическим материалом между общностями возмездными отношениями между самыми разными экономическими агентами по поводу пользования благами самого различного происхождения и снял все пространственные ограничения с этих отношений. Это позволило во многом снять ограничения, подчас очень жесткие, на проявления спонтанного поведения отдельных людей, свойственные традиционным обществам, в

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, с. 173, 176, курсив мой, – Л.Г.

¹² "Условие познания всех процессов мира в их *"самодвижении"*, в их спонтаннейшем развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей" Ленин В.И., Полн. собр. соч., т. 29, с. 317..

которых, спонтанность, конечно, допускалась или даже культивировалась в играх, но в хозяйствовании ее практически не было, это чаще всего было слишком рискованно. Более того, рынок уже давно стал инструментом выявления эффективных новаций в способах взаимодействия с природой, вовлечения "рассеянного знания" в совершенствование общего процесса "обмена веществ" с природой. В последнее время как раз на рыночной основе начали формироваться системы по "производству технологий", инноватика как сфера бизнеса. Все это факты, которые вряд ли кто-то может отрицать. Не отрицают их и оппоненты инициаторов дискуссии, А. Бузгалин и А. Колганов. Но они оценивают это как "кульминационную точку поступательного развития капиталистических производственных отношений"¹³.

Если немного вспомнить историю, то таких "кульминационных точек" можно насчитать не мало. Империализм тоже когда-то называли высшей и последней фазой капитализма. В чем же гарантия того, что наконец-то, действительно, наступила кульминация? Авторы убеждены, что гарантия этого – в изменении характера труда, его содержания – замещении исполнительских функций творческими, принципиально, по их мнению, не совместимыми с капитализмом: "Изменения в содержании труда, связанные с ростом творческих компонентов, ...превращают этот труд во всеобщий... Здесь современное капиталистическое товарное хозяйство вступает в полосу развития противоречий, связанных со столкновением критериев открытого творческого поиска, predetermined стремлением квалифицированных специалистов и профессионалов к самореализации, с критериями поиска эффективных рыночных сегментов, обеспечивающих прибыльное производство для фирмы"¹⁴. За несколько десятилетий до Маркса о том же пути освобождения человека писал У. Годвин, английский публицист: "В прежнее время грубые и тяжелые работы исполняли рабы. Настанет время, когда эти работы будут исполняться машинами. И тогда возможно будет достижение общего благополучия без всякого стеснения свободы личности"¹⁵.

Вообще говоря, творчество как явление "царства свободы" несовместимо ни с каким типом хозяйства как явлением "царства необходимости". Капитализм в этом отношении вряд ли "хуже" или "лучше" любого другого. Как известно, наши оборонщики в течение десятилетий творили в "ящиках", а то и в тюрьмах, и получалось у них совсем неплохо. Мы и сейчас пользуемся плодами их творчества. Труд с большими элементами творчества всегда был в сферах, связанных с обслуживанием людей, и это вряд ли следует рассматривать как что-то принципиально новое. Более того, такие "отрасли экономики", как образование и здравоохранение, никогда не обойдутся без "живого труда", в том числе и вполне рутинного, не

¹³ А. Бузгалин и А. Колганов. Нужен ли нам либеральный марксизм? Вопросы экономики, 2004, №7, с. 145.

¹⁴ Там же, с. 146-147.

¹⁵ Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение (1917) // К лучшему будущему, М. РОС-СПЭН, 1996, с. 333.

представляющего собой "самоценность", способ "самореализации человека в труде". "Марксизм – это религия спасения, гарантирующая не индивидуальное, но коллективное спасение всего человечества. Курьезно, что представление о "блаженстве", которое даруется спасенным, является глубоко буржуазным. В самом деле, оно представляет собой апофеоз буржуазного видения жизни... Добровольный, ничем не ограниченный труд, творчество – вот наша цель и наша судьба... Отчуждение человека от своей истинной сущности неизбежно сохраняется до тех пор, пока он вынужден работать во имя чуждых ему целей; он обретает свою истинную сущность лишь тогда, когда начинает трудиться во имя творчества, форму которого он выбирает самостоятельно. Разумеется, это в точности соответствует жизненному идеалу среднего класса. Производительная деятельность служит для его представителей источником гордости, они сами выбирают для себя форму творчества и понимают, что делают. Труд для них – не непонятная обязанность, обусловленная внешними силами, а подлинная самореализация"¹⁶.

Разговоры об изменении характера потребностей людей в постиндустриальном обществе имеют под собой основание. Конечно, в этом обществе предъявляется повышенный спрос на людей, способных работать творчески, без постоянного контроля со стороны "хозяина". Не секрет, однако, что его, как и всех остальных, стараются воспитывать в духе преданности фирме, корпорации. На это нацелены управленческие технологии формирования "корпоративной культуры", "корпоративной этики". При этом в ход идут как элементы, заимствуемые из традиционных и не традиционных религий, так и результаты научных разработок.

Человек, удовлетворенный содержанием своего труда, в меньшей степени склонен раздувать свое потребление за пределы необходимого для нормальной жизни, чем тот, кто работает "винтиком" и нуждается в разнообразных эрзацах в сфере досуга. Это, безусловно, может создать проблемы с потребительским спросом со стороны сектора домохозяйств. Но ведь рядом есть растущий сектор потребления самых разнообразных благ, связанный с повышением качества "обмена веществ" с природой. А производителю все равно, кто предъявляет спрос – текущее поколение людей как таковое, или будущие поколения через самых разных их представителей в настоящем.

О незащитимости трудовой теории ценности в количественном отношении выше уже говорилось. Кого-то в этом убедили уже первые работы представителей "школы предельной полезности", показавшие, что для существования возмездных отношений достаточно ограниченности хотя бы некоторых благ по отношению к потребностям в них независимо от того, как происхождения этих благ. К числу таких благ, в частности, относятся энергоресурсы

¹⁶ Э. Геллнер – Экономическая интерпретация истории // Экономическая теория (New Palgrave), с. 243-244.

– как их накопленные запасы, так и текущее поступление на нашу планету. Хочет этого человечество или нет, но оно должно вписываться в эти ограничения.

Возможно, многих в этом дополнительно убедили математические модели В.К. Дмитриева¹⁷ и П. Сраффы¹⁸, в которых производство благ осуществлялось без участия людей, и, тем не менее, ценовые параметры "имели место быть". Но самый убедительный, причем глубоко практический аргумент против *трудовой* теории ценности появился в XX в. в некоторых странах с плановой экономикой. После введения карточных систем появляются рынки самих карточек. Никаких трудовых или вообще затратных соотношений нет, но пропорции обмена карточек есть.

Особенно несовременно выглядят формулировки А. Бузгалина и А. Колганова, связывающие судьбу рынка с временем принятия хозяйственных решений. Надо быть ну в очень далеком прошлом, чтобы рыночные сделки считать "апостериорными": "Эта зависимость формируется не *a posteriori* – в рыночном обмене продуктами труда, а в самом процессе труда"¹⁹. А что делают, в таком случае на рынке (срочном рынке!) хеджеры, спекулянты? Не говоря уже просто о предоплате, широко распространенной в нашей стране, о сделках аренды факторов производства, которые всегда совершаются *a priori* по отношению к "процессу труда".

Глобализация и Россия

Почти столь же архаично, на мой взгляд, выглядят рассуждения А. Бузгалина и А. Колганова об "альтерглобализме" как альтернативе капиталистической глобализации: "*Ничто в марксизме не воспрещает левым бороться за преодоление капиталистической формы международного обобществления производства и, признавая объективность этой формы, видеть в то же время ее историческую ограниченность и стремиться к замене ее более прогрессивной*"²⁰. На самом деле, как представляется, имеет место столкновение двух альтернативных вариантов одного и того же процесса в полной аналогии с тем, что около ста лет назад описывалось как "прусский" и "американский" пути капиталистического развития сельского хозяйства. Один из них, как нетрудно заметить, олигархический, другой демократический. У каждого из этих терминов, наверное, можно поставить кавычки, ибо в обычном

¹⁷ "Будет ли потенциальная энергия, заключающаяся в производственном благе α , освобождаться и утилизироваться в производстве в виде *человеческого* труда, как это имеет место в настоящее время, или при помощи какого-нибудь другого процесса (*вообще без участия человеческого труда*), – все равно, всякий раз, как мы будем иметь $1 = A_{\alpha}(1+r)^{T_{\alpha}} + A_{\alpha_1}(1+r)^{T_{\alpha_1}} + \dots$, при условии $A_{\alpha} + A_{\alpha_1} + \dots < 1$, прибыль r будет величина вполне определенная и большая нуля)" В.К. Дмитриев, Экономические очерки. М., ГУ ВШЭ, 2001, с. 83.

¹⁸ П. Сраффа Производство товаров посредством товаров: Прелюдия к критике экономической теории, М. "ЮНИТИ", 1999.

¹⁹ А. Бузгалин и А. Колганов. Нужен ли нам либеральный марксизм? Вопросы экономики, 2004, №7, с. 146.

²⁰ Там же, с. 144.

процессе глобализации участвуют далеко не только крупные корпорации, а в альтернативных процессах – участвуют и некоторые из них. Бизнес можно делать на всем, в том числе и на "зеленом движении". Чем шире движение, тем больше бизнес на нем. Кто из наших путешественников по миру ученых, политиков, не кормится на нем?

Удивляет и уверенность этих авторов в возможности для людей труда столь же высокой "универсальной глобальной мобильности", как и для финансового капитала²¹. Все-таки, люди – не деньги.

Но вернемся к основному сюжету: где мы сейчас находимся и куда идем. Рыночная экономика по двум направлениям продвинула ситуацию вперед: начала охватывать взаимными экономическими связями всех одновременно живущих людей и встраивать спонтанность индивидов в обеспечение выживания крупных экономических агентов, прежде всего, трансконтинентальных.

Но это пока все. Причем дело не столько в количественных параметрах: более или менее гарантированном существовании всего одного, "золотого" миллиарда из 6 ныне существующих. И даже не в провоцируемом этой ситуацией международном терроризме. Дело в качестве самих людей, их религиозных убеждениях, вере.

Механицизм, который на заре Нового времени был "симпатичен" христианству²², со временем закономерно увел от него очень многих. "Винтик" может иметь любые убеждения, лишь бы они не мешали ему функционировать в качестве именно винтика. Но "винтику" противопоказана спонтанность, которая роднит его с Творцом. Поэтому вполне логично, что Запад сейчас характеризуется в целом как пост-христианское общество. И это, как ни странно, становится тормозом дальнейшего экономического движения в постиндустриальном обществе. "Ницше считал, что современная демократия есть не освобождение бывших рабов, а безоговорочная победа раба и рабского духа. Типичным гражданином либеральной демократии является "последний человек", который, будучи вышколен основателями современного либерализма, оставил гордую веру в собственное превосходящее достоинство ради комфортабельного самосохранения. либеральная демократия порождает "людей без груди", состоящих из желаний и рассудка, но не имеющих "тимоса", умело находящих новые способы удовлетворять сонмы мелких желаний путем расчета долговременной выгоды для себя. Последний человек не имеет желания быть признанным более великим, чем другие, а без такого желания невозможны достижения. Довольный своим счастьем, неспособный ощутить какой бы то ни было стыд за неумение подняться над своими собственными желаниями, последний

²¹ Там же.

²² "Механицизм, лежавший в основе первой научной парадигмы, был тем симпатичен христианскому стилю мысли, что он объяснял природные процессы без сомнительных апеллаций к желаниям тех или иных духов" Диакон Андрей Кураев, Конфликт или союз случаен в отношениях веры и науки? // в кн. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) Наука и религия, Ростов на Дону, 2001, с. 307.

человек перестает быть человеком. Следуя мысли Ницше, мы вынуждены задать следующий вопрос: ...разве не заложено в человеческой личности некоторое сознательное стремление к борьбе, опасности, риску и дерзновению, и разве не останется эта сторона нереализованной в "мире и процветании" современной либеральной демократии?... И не может ли этот страх превращения в презренного "последнего человека" повести людей по новым, непредвиденным путям, путь даже эти пути приведут туда, где снова человек станет бестиальным "первым человеком", ведущим кровавые битвы за престиж, только теперь – современным оружием?"²³.

Закомплексованный своей одномерностью, обыватель индустриального общества становится опасен не только для других, но и для себя. Поэтому совершенно закономерна озабоченность той же Европы ликвидацией безграмотности подрастающего поколения в части знаний о религии, "религиозной фактологии". "В европейских школах появятся курсы религиозного образования. К такому решению пришли на днях участники завершившейся на Мальте международной конференции «Религия и образование: возможность развития толерантности через преподавание религиозной фактологии». По мнению участников конференции, утрата в Европе религиозными институтами их влияния привела к общему снижению культурного уровня. «Наши общества в настоящее время подорваны недостатком знаний в области культуры, что особенно заметно среди молодежи Европы и чревато незамедлительными и нежелательными последствиями, – говорится в документе. – С ростом секуляризации религиозные институты перестали передавать религиозную культуру новым поколениям, что привело к разрушению традиций передачи этих знаний. Преемственность культуры и религии долгое время были связаны. Сейчас мы стали свидетелями общего упадка нашего культурного уровня»²⁴.

К сожалению, "религиозную фактологию", или изучение религии с позиций культурологии, многие у нас в России то ли по невежеству, то ли со злым умыслом отождествляют со знанием *самой* религии. "Знание религии существует двоякого рода: во-первых, можно знать религию, то есть переживать ее, иметь в своем опыте то общение с Абсолютным, которое составляет сущность религии. По существу, только тот, кто имеет этот опыт, может судить о религии, а следовательно, и основательно решить проблему об отношении ее к науке. Ведь о музыке может судить лишь человек, имеющий музыкальный слух или вкус, и совершенно недостаточно для этого знать историю музыки, теорию музыки и даже разбираться в нотах.

²³ Ф. Фукуяма, Конец истории и последний человек, с. 24-25.

²⁴ <http://www.rbcdaily.ru/news/market/index.shtml?2004/07/05/56860>, 5 июля 2004 г.

К сожалению, у многих антирелигиозных писателей отсутствует этот религиозный опыт в прошлом (если не смешивать с ним формальную, обрядовую сторону религии), и поэтому неосновательны их нападки на религию в ее чистом виде.

Но есть еще одно знание, касающееся религии, – это знание о религии, о том учении, которое она исповедует, как предмет веры и опыта. Это соответствует знанию теории музыки, но и этой "теории" нашей религии мы почти не знаем. Мы почти не знакомы с Библией в подлиннике и судим о ней по разным книгам, по разным толкованиям...²⁵.

Рынок не только снимает пространственное отчуждение хозяйственной жизни в глобальном масштабе и втягивает результаты спонтанной деятельности индивидов в практику хозяйствования. Сейчас выживанию человеческого рода угрожают не столько внешние спонтанные явления (наводнения, пожары, землетрясения и т.п.), сколько результаты внутренней спонтанности – роста производительных (и потребительных) сил до масштабов, сопоставимых с многими силами природы. В этом смысле "ящик Пандоры" уже открыт и человечеству придется двигаться дальше, в сторону "идеала", описанного выше, если оно не хочет "умереть досрочно". И главным препятствием на этом пути становится сам человек, его религиозные убеждения. До тех пор, пока эти убеждения ограничиваются собственным Богоподобием в части прав на "самореализацию", "абсолютного движение становления"²⁶, остается мало шансов на благополучный исход дела. Юридически надежно защитимы права только тех агентов, которые могут их предъявить в судебных инстанциях самостоятельно. Этого не могут сделать те, кого еще нет, будущие поколения людей. Защитить их от себя, от наших собственных притязаний на пользование ограниченными природными ресурсами можем только мы сами, в меру нашей совести. В меру нашего Богоподобия в части способности к самоограничению, самопожертвованию. Причем речь идет не только об ограничении потребления благ, но и об ограничении форм самореализации. Уже упоминавшийся выше хирург, святитель Лука, в молодости неплохо проявлявший себя как художник²⁷, руководствуясь своими религиозными убеждениями, отказался от этого поприща в пользу иного, менее творческого, но более полезного²⁸.

Во многом аналогичное самоограничение, по-видимому, содержится в английском словосочетании "sustainable development" – щадящее развитие, развитие, способное поддерживать, а не разрушать, в отличие от того, что происходило на протяжении нескольких по-

²⁵ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), Наука и религия, с. 48-49.

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

²⁷ "На выставке в Киевской художественной школе я получил премию за свои наброски" Святитель Лука, Наука и религия, с. 17.

²⁸ "Я не вправе заниматься тем, чем мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей... Из неудавшегося художника я стал художником в... хирургии (гнойной хирургии, – Л.Г.)" там же, с. 16, 18.

следних веков. Это выражение отражает направление не только теоретических, но и практических поисков широких кругов современных ученых и политиков, озабоченных будущим мира в целом. Как и многие другие иностранные термины, этот переведен на русский язык крайне неудачно: "устойчивое развитие". Это можно понимать либо как прямо противоположное исходному смыслу – развитие любой ценой, несмотря ни на что, "устойчиво", либо как бессмыслицу, поскольку всякое реальное развитие имеет свои фазы, в том числе ускорения, торможения, попятного движения. Этот безграмотный перевод уже породил публичную критику со стороны патриотически настроенных публицистов, но не качества перевода, а ошибочно понятого содержания.

Пока что подобные поступки – явные исключения из "правила". Но из "правила", из отчуждения жизни "свободных людей" от жизни человеческого рода, вырастает только один способ их объединения в масштабах человечества – "мировое правительство", складывающееся "по образу и подобию" правительств локальных, "национальных". А образ этот не слишком привлекателен. Полицейскость, стукачество, постоянно растущий контроль за т.н. частной жизнью, все это – норма жизни и в "золотом миллиарде", и за его пределами. "Решение не может быть аналогичным решению на государственном уровне: глобальное государство создает куда большую угрозу свободе, чем национальное"²⁹. Поэтому не удивительно, что многие в нашей стране, да и не только в ней, с опаской относятся к всеобщей паспортизации, кодификации ("ИННизации"). Но дело даже не столько во всеобъемлющем контроле как вполне возможной, закономерной тенденции. Политика и религия обречены идти "рука об руку". Об этом выше уже говорилось. Рыночная глобализация несет в себе угрозу многим религиям. Рынок, как и право, не выходит за границы реально существующих поколений. Он не может формировать чувство причастности к человеческому роду в целом, включая будущие поколения.

Умозрительно рассуждая, можно было бы провести аналогию между родовой общиной и человеческим родом в целом. И та, и другая вещь существуют самостоятельно по отношению к входящим в них индивидам и потенциально бессмертны в отличие от индивидов, чей земной путь заведомо конечен. Значит, точно так же, как идеальным (Ideele) выражением предметности общины является тотем, идеальным выражением предметности человеческого рода может быть некий иной предмет, "Богочеловечество". Но "это мы уже проходили". Именно в России около ста лет назад идея эта обсуждалась и была отвергнута. Причина простая: человеческий род как совокупность сменяющих друг друга поколений людей – слишком простой предмет по своей конструкции, чтобы любой отдельно взятый человек мог ставить его "над собой". Его собственная спонтанность гораздо мощнее, разнообразнее, чем

²⁹ Дж. Сорос, Реформируя глобальный капитализм, с. 194.

спонтанность, действующая на уровне одной-двух клеток. В рамках определенных причинно-следственных связей человеческий род представляет собой всего лишь одноуровневый циклический процесс³⁰, такой же, как любой биологический вид, чего нельзя сказать о личностях. К тому же, бессмертие человеческого рода как предмета относительно, ограничено, как и любого другого телесного предмета. Поклонение ему сродни поклонению любому другому кумиру. Вряд ли среди существующих мировых религий найдется хотя бы одна, которая даст свою санкцию на это.

Но, может быть, этого и не надо? Может быть, чувство причастности к Абсолютному, формируемое хотя бы в некоторых из таких религий, достаточно для снятия отчуждения жизни человека от жизни человеческого рода?

Чтобы ответить на эти и иные, аналогичные вопросы, надо как минимум ими озадачиться. Пока что до этого далеко. Об этом, как мне представляется, свидетельствует одно из положений нашей Конституции, заимствованное из практики западных соседей. Положение, в соответствии с которым люди могут выбирать религиозные убеждения точно так же, как и любые другие³¹. Надо иметь весьма специфические представления и о религии, и о выборе для того, чтобы выносить подобные суждения. Из подобных представлений, в частности, вырастает часто вслух произносимые высказывания и недопустимости ознакомления детей в светской школе с любыми знаниями о религии, поскольку они, дети, еще не способны выбирать самостоятельно и такие знания лишают их свободу выбора. Хорошенькое дело. Значит, выбирая президента, можно "голосовать сердцем", как это настойчиво предлагалось государственными СМИ в 1996 г., а "выбирая" религию, следует "голосовать умом" и только умом?

На самом деле религиозные убеждения, как и многие другие, формируются с момента появления ребенка на свет. Причем под воздействием далеко не только "молока матери" в прямом и переносном смысле слова, родни, двора, улицы, но и таких "нянек", как "телепузики", "Симпсоны", ""Слабое звено"... без какого бы то ни было ограничения со стороны "федеральных государственных образовательных стандартов", установление которых предписано 43 статьей Конституции³². Во взрослом состоянии результаты всех этих воспитательных воздействий, преднамеренных и стихийных, человеком только осознаются (или не осознают-

³⁰ Вооружившись моделью даже самого простого циклического процесса, включающего хотя бы пару линейных, читать "Науку логики" Гегеля не в пример проще, чем оставаясь только в рамках лилейных процессов. О том, что циклические структуры обладают предметными свойствами, которые следует принимать во внимание, додумался гораздо позже Хайек. См., например, "Приложение С" в его работе "Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма".

³¹ Статья 28. Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно **выбирать**, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

³² Конституция Российской Федерации, статья 43, пункт 5: "Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования".

ся, что бывает слишком часто). По мере осознания они могут развиваться и иногда, крайне редко, меняться. Но меняться не по воле (точнее, произволу) самого человека, а как-то иначе. Например, как у Савла, ставшего Павлом.

Таким образом, даже в странах "золотого миллиарда" и близких к ним понимание ситуации, как представляется, еще весьма далеко от адекватного. Религия все еще остается пугалом, а не шансом. "Вся эта религиозная активность – часть поднимающегося наступления на светские основы жизни, которые лежат в фундаменте демократии *индустриальной* эпохи и поддерживают разумную дистанцию между церковью и государством"³³. Если же говорить об остальном мире, то он находится на еще более ранних ступенях исторического развития. В Африке, как и сотни лет назад, племена и народы режут друг друга в борьбе за средства существования, за землю, иногда прикрываясь религиозными "убеждениями", иногда обходящимися без них. В Индии население благодаря успехам "зеленой революции" быстро растет и в обозримом будущем будет превышать население Китая. Ни один из названных регионов не имеет никаких шансов выйти на уровень материального благосостояния, достигнутый экономически развитыми странами, – планета просто не выдержит соответствующей экологической нагрузки...

Можно сказать, что за полторы сотни лет мир сделал только первые шаги к глобализации хозяйственной жизни на единственно возможной в настоящее время основе – рыночной. Страновой уровень и хозяйствования (особенно в части социальных гарантий) и политики, видимо, еще долго, на протяжении жизни не одного поколения людей, будет преобладать над формирующимся глобальным.

А что Россия? Россия часть этого мира, имеющая свою особую историю, как и любая другая страна и будущее, которое частично зависит от нее самой, от нас, ее граждан. Нужен ли нам Маркс, чтобы разобраться в самих себе?

На протяжении примерно тысячи лет, с появления Киевской Руси и до недавнего времени продолжался один большой период истории нашей страны, который сейчас безвозвратно закончен. Это период, когда "верхи" эксплуатировали "низы" для получения средств собственного существования, а "низы", в свою очередь, эксплуатировали природу, ее воспроизводимые ресурсы. Иначе говоря, "низы" были нужны "верхам", и религиозные убеждения были одним из немаловажных факторов управления. Почти девять веков в религиозной жизни народа преобладало православие, однако оно оказалось недостаточно эффективно в качестве "средства управления" в период догоняющей модернизации и было заменено как раз марксизмом в его русском варианте.

³³ Э. Тоффлер, *Метаморфозы власти*, М., ООО "Изд-во АСТ", 2004, с. 560, курсив мой, – Л.Г.

Уже при жизни нынешнего старшего поколения у "верхов" исчезла потребность в "низах": как раз в период "застоя" бурными темпами развивался топливно-энергетический комплекс (ТЭК), ставший автономным и очень удобным источником средств существования "верхов". Вместе с этим исчезла и потребность в религиозных (и "квазирелигиозных") "средствах управления" ими.

Не раз, как в частных беседах, так и в публичных выступлениях Патриарх Алексий II отмечал, причем с чувством глубокого удовлетворения, что впервые за все время своего существования, за всю прошедшую тысячу лет, православная церковь в России стала независимой от государства. Эту принципиально новую ситуацию еще предстоит осмыслить и освоить всем нам, гражданам России.

Повторяю: ситуация в нашей стране за последние 30-40 лет изменилась в корне, перевернулась "с точностью до наоборот". Теперь именно "низы" экономически не могут прожить без "верхов". Исчезновение какой-либо энергетической автономии у всех российских экономических агентов в течение прошлого века делает абсолютно неизбежной "управляемую демократию". Ненужные "верхам" "низы" сейчас невозможно "списать" по старой, проверенной на деле в прошлом веке формуле "нет человека – нет проблемы". Хотя "низы" и сокращаются примерно на 1 млн. человек в год, все равно нас еще "слишком много", нами все равно какое-то время еще надо как-то управлять.

Православие для управления современными "низами" нынешним "верхам" сейчас не подходит по самым разным причинам, о которых здесь вряд ли уместно говорить. Остается как раз марксизм. КПРФ им не пользуется, это А. Бугалин и А. Колганов отметили совершенно правильно. Так что есть шанс попользоваться другим политическим силам, в том числе и "либеральным апологетами" марксизма, которые сейчас при власти. Почему нет?

"Вы еще не читали Маркса? Тогда мы идем к вам..."